

Гай Юлий Орловский

Ррщщ@ррщ

Длинные Руки —
эрбирини

Ричард Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – эрбпринц

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г.

Ричард Длинные Руки – эрбпринц / Г. Орловский — «Эксмо»,
2013 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-63221-3

Все опаснее и тревожнее дорога крестоносцев в северные земли. Битвы с армиями Мунтвига чаще, расходятся взгляды с великим инквизитором на церковь и ее роль, лорды полны решимости наконец-то женить Ричарда, а ему подошел день, когда нужно нести службу в покоях королевы эльфов...

ISBN 978-5-699-63221-3

© Орловский Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – эрбпринц

Часть первая

Глава 1

Лорды гурьбой выходили из шатра, с лязгом и скрежетом сталкиваясь стальными плечами в узком проеме.

Последним покинул совещание Норберт, единственный, кто не в металле. От его темных лат из толстой кожи, как всегда, ни звяка, и даже в лунную ночь ни отблеска, бесшумный, как горный волк, но такой же смертоносный.

На выходе остановился и учтиво придержал полог, пока порожек с той стороны переступает Аскланделла. Дочь императора сегодня в багровой короне и в платье цвета пурпурного заката.

Я не сижу, так что подниматься в знак приветствия не пришлось, как и кланяться.

Она вошла во всем блеске молодости и великолепия. За спиной мелькнул сопровождающий ее любезный принц Сандорин, но благоразумно остался по ту сторону.

Норберт выпустил из пальцев край полога, тоже исчез, мы с Аскланделлой остались одни. Полная спеси и надменности, с прямой спиной и не такими уж узенькими плечиками, как ожидаем от болезненных принцесс, вообще у нее плечи весьма, она взглянула на меня в упор удивительно светлыми глазами, настолько похожими на горный лед, что даже густые черные ресницы, длинные и загнутые, не сумели бросить тень.

В отличие от большинства женщин, у которых брови тонким шнурком, нередко вообще едва заметные, у этой густые, черные и какие-то грозные, почти сросшиеся над переносицей, из-за чего я поглядывал на них чаще, чем на ее резко очерченную грудь.

– Ваше высочество, – произнес я наконец, чувствуя, что ей рот открыть первой можно только на дыбе, – надеюсь, ваша прогулка верхом была... удовлетворительной.

Она произнесла ровным голосом:

– Весьма.

– Я как бы рад, – сказал я любезно и ощутил, что злость сковывает мне челюсти, вот-вот заскрежещу зубами. – И... ах да, счастлив.

– Принц Сандорин был очень любезен, – сообщила она тем же холодным ясным голосом. – Вот уж не думала, что на далеком развращенном Юге еще сохранилась любезность!

– Сохранилась, – подтвердил я светски. – Почему-то. Ага.

– Но, видимо, он такой единственный.

– Ваше высочество, – сказал я протокольным голосом. – Позвольте вас проводить к креслу.

Она милостиво позволила, я проводил ее целый шаг, усадил, не прикасаясь к укрытым пурпурным атласом плечам даже кончиками пальцев, а как бы помавая в полудюйме от них, этикет соблюдаю, и отступил с поклоном.

– Позвольте прояснить обстановку, – сказал я таким голосом, каким говорило бы дерево, – вы неосторожно обронили у Мунтвига, что мы, южане, вовсе не черти с рогами, на что там обиделись, а Мунтвиг в благородной вспышке гнева... у нас, правителей, все благородное!.. тут же отправил вас взад. В смысле, не к отцу, а ко мне.

Она слушает с таким видом, что не поймешь, западает ли хоть слово в ее розовые ушки, это не просто злит, а бесит, и я договорил, едва не лязгая зубами от злости:

– Уверен, он уже пожалел о своей вспышке!.. Жаль, у него не такие свободные и раскованные военачальники, перечить и советовать одуматься не посмели. Потому мы сделаем все для вашего счастья... это значит, со всей незамедлительностью постараемся вернуть вас вашему жениху. Будьте спокойны, у нас все получится.

Она произнесла хрустальным голосом:

– Во всяком случае, это у вас получится.

Я окинул ее гневным взглядом, прямая, чтоб сиськи заметнее, и в то же время надменная, чтоб зелен виноград, да, грамотные. Взгляд устремлен перед собой, и неважно, что там, главное – все равно интереснее, чем этот раздраженно вышагивающий прынец, возомнивший себя способным тягаться с ее женихом.

А «это» выделила нарочито, как будто все остальное у меня прям рушится.

– На это время вам выделяют отдельный шатер, – сообщил я. – Не самый роскошный, у нас вообще таких нет, но и не солдатскую палатку.

Она впервые повела в мою сторону глазами, я ощутил себя так, будто по моей морде стегнули свежей крапивой.

– Спасибо за любезность, принц.

– Господь создал Адама, – пояснил я с холодной любезностью, – а его забота о женщине сделала из него мужчину. Мы лишь продолжаем традицию.

– Принц...

– Если нужна особая помощь, – сказал я сквозь зубы, – вам помогут женщины. Если захотят, конечно.

Она подняла на меня взгляд, жжение исчезло, взамен кожа ощутила приятное тепло.

– Женщины?

– Благородные женщины, – уточнил я. – Правда, почти все остались в той армии, что перекрывает дороги в наши королевства, но в нашей ударной тоже есть.

Она переспросила с таким видом, что вот сейчас поймает меня на лжи:

– Женщины в армии?

Я хмыкнул.

– Видели бы вы, как эти беззащитные создания, как мы говорим, сражаются!.. Мужчины говорят, нельзя становиться на пути у носорога и беззащитной женщины. Так что, все мы, может быть поневоле, но к женщинам относимся не только с восхищением, как к красивым коням, павлинам или сорокам, но и как бы с уважением.

Она произнесла с холодком:

– Не знаю, почему вы мне это говорите.

– Дык я ж дурак, – воскликнул я бодро, – во всяком случае, в вашей интерпретации. А вы не красавица, как на мой взгляд искушаемого знатока и ценителя с линейкой в мозолистых руках труженика и принца-строителя флота. Нет, вообще, строителя, так значимей! Можно с прописной. Даже лучше! Тот, кто уверяет вас в обратном, просто брешет в надежде на пряник в виде благосклонного взгляда... или прочих благосклонностей, кто знает нравы имперских дочерей...

– Императорских, – поправила она спесиво.

– Да хоть кайзеровских, – ответил я гордо с видом удельного горного князька, который в своих соплеменных никого не боится и поплевывает сверху. – Так что можете успокоиться! Мне от вас ничего не надо, и нравиться я вам не собираюсь и не стараюсь.

– Еще как не стараетесь, – сказала она ядовито.

– А это значит, – заметил я, – можете не опасаться моих поползновений на вашу... эту, как ее... ага, женскую честь!

Она поправила с достоинством:

– Девичью.

– Девичью? – перепросил я и с подчеркнутым недоумением смерил ее взглядом. – Это же сколько же вам лет... С виду вы вроде бы, гм... Ах да, у женщин многое не спрашиваем, оберегаемся... Так что, принцесса...

– Аскланделла, – напомнила она.

– Это значит, – перепросил я, – можно по имени? Тогда в качестве громадного жеста любезности взад, я – Ричард.

– Принцесса Аскланделла Франкхаузнер, – уточнила она высокомерно. – Мое Императорское Высочество!

– А-а-а, – сказал я с подчеркнутым разочарованием. – Ну тогда я принц Ричард Загребущие Руки. Ладно, насчет конечностей опустим, достаточно и принца Ричарда. Остальные титулы можно тоже оставить, я скромный до бесстыдства.

– Предельно скромный, – подчеркнула она. – До невозможности.

Я смотрел на нее, гордо выпрямившуюся и предельно высокомерную, не желающую уступать ни в чем, как же, дочь императора, ничем ее не смутить, разве что предложу вот прямо сейчас показать ей пенис... но она, зараза надменная, может и тут не отступить, а сказать: «Показывай!» – и тогда даже не знаю, хватит ли у меня нахальства сделать следующий шаг, женщины, уж если упрутса...

– Ваше высочество, – произнес я церемонно и, поклонившись, сделал шаг назад, утешая себя тем, что великие полководцы отступают заранее, не давая вовлечь себя в опасные ситуации. – Желаю вам... отдохнуть. Обед сейчас принесут. Вас кормят с ложечки?

Она не пошевелилась, женщины такого ранга не отвечают на поклоны; лицо неподвижное и величественное, на мое двусмысленное пожелание тоже не ответила, дочери императора все позволительно даже по этикету.

Мне показалось, что в ее холодном взгляде таится насмешка триумфа победительницы, но, вообще-то, хрен разберешь, что в глазах женщины.

Снаружи яркое солнце, мужские голоса, запах горелого дерева, покрытые пеплом костры с редкими углями и множество людей у шатров и палаток.

Зигфрид молча указал взглядом своему напарнику на полог, Скарлет кивнула и сразу же проскользнула вовнутрь.

Альбрехт беседует с сэром Норбертом, а когда я появился из шатра, оба поспешили ко мне с озабоченными лицами.

– Ваше высочество?

– Где черновик? – спросил я злым шепотом.

– Вчерне готов, – сказал Альбрехт поспешно.

– Давайте!

– Так вчерне же, – ответил Альбрехт опасливо, – мы же только вычекавали формулировки, как вы предпочитаете, когда появилась принцесса... Но все в голове, все ваши чеканные определения, щемящие слова, полные гневного отпора и пламенного призыва...

Я спросил с подозрением:

– Вы о чем? Ладно, пойдете в чей-нибудь шатер, а то меня из моего, как зайчика из норки, деликатно выперли пинком в область копчика... Бумагу нужно составить немедленно и тут же передать в любые воинские части Мунтвига!

– Все сделаем, – заверил Альбрехт, – только дышите глубже, думайте о прекрасном... эльфы для вас еще как?.. или уже на зеленое тянет?..

Норберт сказал вполголоса:

– Его высочество – человек с размахом, он наверняка уже о рыбах подумывает.

Принц Сандорин, завидя нас издали, ринулся навстречу.

– Ваше высочество?

Норберт сказал мне вполголоса:

– У него просторно.

– Мы к вам в гости, принц!.. – заявил я светло. – Нет-нет, вина не надо, никакого пира!..

Но чернильница и бумага не помешают.

Сандорин вскрикнул в удивлении:

– Разумеется, есть! Я же грамотный!..

Он поспешил вперед и распахнул в стороны вход в шатер, роскошный до безобразия, внутри все в золотистом шелке, масса золотых украшений, в углу скрещенные церемониальные копыя, тоже в золоте, но, к счастью, посреди не роскошная кровать, а все-таки стол, прекрасный рабочий стол с чернильницей, стопкой гусиных перьев и двумя листами бумаги.

Правда, ложе все-таки роскошное, но сдвинуто к стенке, дескать, принц – воин-крестоносец, а не сластолюбец, смотрите и запоминайте.

– Ваше высочество, – воскликнул Сандорин с энтузиазмом, – чем могу?

Я кивнул и молча сел на стол. Память сразу же выдала придуманное утром начало: «Ваше императорское Величество, при всем желании не могу принять этот бесценный, без всякого сомнения, дар, ибо это у пчел можем красть мед и не чувствовать стыда, но незаконно присвоить женщину, принадлежащую другому, это нечестно...»

Альбрехт, опасаясь, что забыл, подсказал:

– Вы зачеркнули «нечестно» и написали «не по-христиански и не по-мужски», а дальше увязли в болоте умничанья ваших советников. Потому никого не слушайте, дорогой сюзерен.

– Когда дело касается женщины, – буркнул Норберт, – нельзя слушать даже себя.

Сандорин смотрел ошалело.

– Что? Снова стараетесь избавиться от принцессы Аскланделлы?

– А вы против? – спросил я свирепо. – А как же Лиутгарда?

Он поперхнулся, проямлил жалко:

– Ну... дело ж в этикете...

– Вот и помогайте, – рыкнул я, – составить письмо со всеми учтивостями этикета, но твердое, как слово сэра Растера, и гибкое, как совесть нашего графа Альбрехта!..

Через полчаса из шатра Сандорина почти выбежал сэр Норберт со свитком в руке, опоясанным красными шелковыми шнурками и в багровых сургучных печатях.

Я вышел следом и успел увидеть, как лихо взметнулся в седло один из самых быстрых гонцов, сухо простучала дробь копыт, и вскоре оба с конем исчезли из виду.

Альбрехт оглянулся, прислушался.

– Ого, нас догоняет обоз?.. Здесь привал?

– Никаких привалов, – отрезал я. – Нам еще трое суток двигаться на восток к границам Пекланда, где и остановимся на недельный отдых! Никаких отклонений от плана, ясно? Постоянство внушает людям уверенность.

– Гм, почти верно...

– И никаких приключений по дороге, – сказал я наставительно. – Все они – от дурости, несообразительности и непредусмотрительности!.. Все приключения от «приключилось», а хорошее не приключается, дорогой сэр Альбрехт. Потому вперед и с песней!

Он улыбнулся с едва заметной насмешкой.

– Это мы умеем. Вперед и с песней. Да еще если выпить...

Глава 2

Земля отзывается тревожным гулом от топота тысяч и тысяч конских копыт, а от ударов сапог на двойной подошве дрожит и недовольно стонет.

В слабом рассвете стальные доспехи блестят пугающе незнакомо, словно на берег выбралась из моря масса чудовищ в прочном хитине с головы до ног, с которого еще бежит вода.

Кони, укрытые кольчугами до середины бедер, где всего три отверстия: для репицы хвоста и для глаз, кажутся чем-то хищным, а за конницей бредут пехотные части, все с белых плащах с красными крестами на груди. На этот раз над головами нет леса копий с блестящими жалами, я распорядился везти их отдельно на повозках, выделенных специально для этой цели.

Таким образом, копейщики налегке проходят в сутки на милю больше, а привалы для отдыха можно делать короче.

Идут всё так же по шестеро в ряд, плотно, почти касаясь друг друга локтями, а со стороны вообще выглядят стальной рекой. С утра все мрачные, но за спиной на востоке уже покраснело небо, защebetали птицы, и вот-вот кто-то из самых голосистых и молодых воинов запоеет походную песню, под которую сердце стучит часто и радостно, а ноги словно сами убыстряют шаг.

Местные о приближении нашей армии узнают не раньше, чем мы оказывались рядом, потом в панике бегут в леса, бросая все нажитое, но самые отважные остаются и не прогадывают: мирное население я велел не трогать, разве что забирать для нужд армии запасы зерна, которые те не успели спрятать или увезти.

Но дальше деревни и села тянутся абсолютно пустые, даже собак увели, а в мелких городах остались только священники. Усадьбы лордов обезлюдели, из леса иной раз доносится тоскливое мычание коровы или собачий лай.

Норберт часто исчезает далеко впереди. Его конники идут небольшими отрядами, к тому же выпускают еще и разъезды по три человека, а он старается везде побывать и за всем уследить, благо самые быстрые кони у него и его людей.

Я видел, как он пронесся вдаль, похожий на низко летящего над озером стрижа, потом резко свернул в мою сторону, а я с удовольствием смотрел, как они с конем быстро укрупняются и растут в размерах.

Он понял мой взгляд, сказал со сдержанной гордостью:

– Мчаться на хорошем коне – все равно что мчаться по небу.

Я оглянулся на мелькающего далеко в кустарнике леса Бобика, понизил голос до шепота:

– Собаки наши лучшие друзья, но пишут историю кони.

Он улыбнулся, поняв.

– Кони дают нам крылья, которых у нас нет... Ваше высочество, разведчики нашли идеальное место для ночного отдыха.

– Отлично, – сказал я. – Пусть указывают дорогу, если это не слишком в сторону.

– Почти прямо, – заверил он. – Только на полмили дальше. Прибудем затемно.

– Дольше поспят, – решил я. – А что вон там за туча? Слишком она какая-то... необычная.

Он проследил за моим взглядом, посерьезнел, лицо стало строже.

– Думаю, ваше высочество, то место стоит обойти стороной.

– Да что там?

– В той стороне монастырь, – ответил он, – куда, если верить слухам, ушел император Карл замаливать грехи.

Я нахмурился, враз захотелось помчаться туда, выгнать бывшего императора и предать лютой смерти, такой вот из меня милосердец, но взял чувства в кулак и сжал сильнее.

Кони наши идут быстро, из-за невысоких холмов поднялись башни монастыря, туча стала видна во всех подробностях: огромная и темная, в ней сверкают белые злые молнии, а на землю обрушиваются тяжелые удары грома.

Норберт сказал со скупой усмешкой:

– Крестьяне, что живут в деревнях вокруг монастыря, истолковывают по-разному, но все равно каждый уверяет, что за душу такого великого грешника идет ожесточенная борьба. Дескать, дьявол прислал своих из ада, чтоб утащить в преисподнюю, а светлые силы отстаивают, мол, человек покаялся, замаливает грехи.

– А сами крестьяне, – спросил я с интересом, – не хотят разгромить монастырь и вытащить оттуда Карла?

Он покачал головой.

– Говорят, благодаря молитвам такого великого грешника у них скот начал давать двойной приплод! Саранча вовсе исчезла... а как там дальше пойдет, будет видно. Старые люди говорят, что иногда верх одерживают светлые, иногда – темные. Если победят светлые, грешник останется в монастыре, если темные – то сразу заберут с собой, они не больно церемонятся.

Я выслушал, кивнул.

– Как и мы. Вообще, похоже на схватку адвокатов с прокурорами. Одни доказывают вину и настаивают на тяжелом наказании, а другие приводят доводы в защиту.

Он спросил с интересом:

– Ваше высочество, а вы за кого?

Я коротко взглянул на небо.

– Знаете ли, барон, лучше такие вопросы не задавать.

– Почему?

Я посмотрел на него зверем.

– Не прикидывайтесь овечкой, сэра Норберт. На некоторые вопросы отвечать трудно, потому что надо выбирать между «мне так хочется» или «я так считаю» и менее приятным «так надо».

Он вскинул брови.

– Все равно не понял. Вы мне на пальцах, ваше высочество. Для доступности.

– Что вам все еще непонятно?

– Непонятно, – спросил он голосом кроткой овечки, – хочется вам как?

Я огрызнулся:

– Сами знаете, как мне хочется. Как всем нам хочется!.. Мы же люди, недавние питекантропы!

– Ваше высочество, – спросил он испуганным шепотом, – а это кто?

Я буркнул:

– У отца Геллерия могли бы спросить, ленивец. Это та живая и разумная глина, что жила, охотилась и размножалась, пока Господь не вдохнул в нее душу.

Он пригнул голову, будто Господь вот-вот погладит его молотом между ушей, спросил еще тише:

– А разве Господь не в тот же день вдохнул душу... ну, как слепил из глины?

– Конечно, – ответил я высокомерно, – в тот! Но что для нас тысяча лет – для Господа меньше одной доли секунды!.. Думаете, он сотворил мир за семь наших дней? Ну вы и наглец...

– Ваше высочество!

– А кто вы есть, барон, если возомнили, что Господь должен мерить свое божественное время презренными земными сутками?.. Ага, поняли?.. В общем, Господь сотворил Адама, а через пару минут, полюбовавшись на творение своих рук, вдохнул в него душу. Но Адам за это время успел наплодить тысячи таких же неотесанных, что разошлись по свету.

Он пробормотал в затруднении:

– Но... как? Евы тогда еще...

Я вздохнул.

– Дикая вы человек, барон. Господь Еву создал из ребра Адама потому, что все остальные попытки сделать женщину из глины... и не только из глины, проваливались. Потому и не засчитывались. А вы что, всех женщин помните, что обрюхатили за время нашего похода?

Он сказал с сомнением:

– Да почти всех... а вот за прошлые... гм...

– Вот-вот, – сказал я с укором, – тоже неандертальцев наплодили! А то и питекантропов.

Он в задумчивости посмотрел на монастырь, над которым продолжает грохотать небесная буря, а слепящие молнии разрывают тучи в лохматые клочья.

– Думаете, черти его все-таки заберут?

Я пожал плечами.

– Я только «за», но смутно начинаю постигать, что над справедливостью есть еще и так называемое милосердие. И хотя оно мне все еще противно... ну не понимаю, не понимаю, почему оно должно быть выше!.. но верю, что смысл в нем какой-то есть... даже высокий смысл. Потому обойдем этот монастырь стороной, не тревожа его обитателей.

Он кивнул, сказал с сочувствием:

– Ваше слово, ваше высочество, и ни одна нога не ступит к стенам монастыря ближе, чем на полет стрелы. Хотя понимаю, как вам жаждет вытащить это чудовище на свет божий и повесить на дереве так низко, чтобы он чуточку касался земли кончиками ног!

Я сказал люто:

– Что? Так мало? Да я в мечтах тысячу раз сажал на кол!.. Сдирал с живого кожу по дюйму в день!.. У меня с ним старые счеты еще с Зорра!.. Он виноват не только в гибели сотен тысяч ни в чем не повинных людей... да хрен с ними, а в смерти двух-трех лично мне знакомых, которых глубоко уважал.

– И все же?

Я тронул Зайчика и молча послал по дороге, оставив монастырь слева, и больше не смотрел в его сторону. Над головой некоторое время еще грохотало, земля иногда вздрагивает, затем впереди мир озарился ярким солнечным огнем, и сталь доспехов в колонне рыцарей засияла радостно и победно.

Господь и сам иногда что-то делает, мелькнула мысль, а не только все сложил на таких вот еще сопливеньких. Его решение, конечно, красиво и весьма изящно, да только вот не стало Карла – появился Мунтвиг.

И надо искать решения, красивые или нет – неважно, но такие, чтобы карлы и мунтвиги не появлялись вообще.

В свое время Альфонс Мудрый, король Кастилии, пытаясь понять астрономическую систему Птолемея, сказал со вздохом, что, случись ему присутствовать при сотворении мира, он бы дал Господу кое-какие советы по части лучшего устройства мироздания.

Мироздание – хрен с ним, все эти горы, моря и океаны меня не волнуют, зато много чего насоветовал бы по части лучшего устройства общества. Увы, уже понимаю, что как человек в утробе матери проходит через все стадии жизни, от амебы к червяку, рыбе с жабрами и ящерице, так и общество должно расти, как человек, усложняться, умнеть и созреть для следующей ступени, а не так, чтобы из младших классов школы сразу к диплому или ученой степени.

Но ладно, если нельзя само общество тянуть за уши, то можно – науку и технику. Пока это только простая механика, понятная и Архимеду, но если ее достижения внедрить повсеместно, то мир изменится кардинально...

Слева в мою сторону несутся двое всадников, впереди Бобик, а то как же без него, один закричал издали, спеша опередить товарища:

– Ваше высочество!.. Пополнение!

– Кто? – спросил я.

Они осадили коней рядом, второй всадник сердито блыкнул глазами на первого.

– Ваше высочество, – произнес он почтительно, – к нашему войску присоединились два больших отряда ирамских лордов! Это впервые за весь Ирам.

– Состав? – спросил я.

– Кроме четырехсот рыцарей, – доложил он, – с ними пять тысяч тяжелых панцирных всадников, а также обученные копейщики и лучники.

Меня догнал Норберт, прислушался, кивнул с довольным видом.

– Уступают нашим, – заметил он, – однако на безрыбье и рак рыба. Как только перейдем границу с Пекландом, вот там и разгуляются!

– На границе с Пекландом большой привал, – напомнил я. – Местные наверняка поспешат нам навстречу. Кто с изъявлениями дружбы и даже покорности, а кто-то заявит, что согнет нас в бараний рог и вообще сотрет в порошок, если посмеет ступить на их земли и топтать их кур.

Норберт кивком указал разведчикам, что свободны, возвращайтесь к своим обязанностям; те сразу развернули коней и умчались, а Бобик некоторое время бежал с ними, потом вернулся и смотрел искательно: давай что-нить натворим?

– Это уж точно, – согласился Норберт. – Бароны почти все такие. Но, думаю, это не слишком повлияет?

– Надеюсь, – ответил я. – Нравятся мне эти самоуверенные дураки. Сразу себя таким умным рядом с ними чувствуешь!

Он покосился на меня с некоторым подозрением во взоре, но я смотрю вперед чисто и открыто, сам вроде самоуверенного дурака, решившего осчастливить мир, хотя не в состоянии осчастливить себя самого.

– Из Пекланда, – поинтересовался он, – в Сакрант или в королевство Эбберт?

– Надо подумать, – пробормотал я. – Сакрант на северных границах Пекланда, а Эбберт – на южных... Вообще-то, нам в Сакрант, там резиденция Мунтвига в столице Генгаузгуз...

– Но вам жаждет отомстить королю Харбиндеру, – продолжил он, когда я запнулся. – Вполне понятное чувство, ваше высочество, но можно ли простыми желаниями руководствоваться в таких великих делах?

Я покачал головой.

– Нельзя, вы правы, дорогой друг... Однако здесь целый клубок возможностей, нужно только выбрать правильно.

– Ваше высочество?

– Отомстить Харбиндеру, – сказал я, – можно под знаменем общей защиты высших христианских ценностей. Дескать, я наказываю короля и его народ, что гнали нас через всю страну, не давая ни крошки хлеба, ни глотка воды!.. Это бесчеловечно, это противно всем божеским законам. Если это правильно подать, то еще и выиграем на своей жестокости, что будет воспринято, как необходимая кара, а мы – как орудие божественной воли... Вон как судьба Содомы и Гоморры, вроде бы и жестоко, все-таки погибли не только содомиты, но и их жены, и дети, но... народ считает, что Господь поступил верно?

Он помолчал, посмотрел на меня несколько странно, после паузы сказал:

– Тогда проиграем с Сакрантом.

– Почему?

– Пока будем драться с Харбиндером, Сакрант подготовится к обороне.

Я ответил со вздохом:

– Столицы всегда защищены хорошо. Как стенами, так и войсками. А весть о нашем приближении уже долетела к сакрантцам. Как бы ни двигались мы быстро, гонцы скачут быстрее, чем наши волы тащат обоз.

– Тогда...

Я понизил голос:

– Если повернем на Эбберт и начнем долгую войну с королем Харбиндером, в Сакранте несколько успокоятся.

Он подумал, кивнул.

– Понимаю. Но... в чем наша выгода?

– Эбберт, – сказал я, – Эббертом, но главная наша цель – Сакрант. А в Сакранте – Генхаузгуз.

Он сказал медленно:

– Если захватить столицу, удельные лорды Сакранта поднимут головы? И объявят свои владения самостоятельными?

Я зло ухмыльнулся.

– А когда было иначе?

Он поинтересовался с беспокойством:

– Но нам же такое на руку?

– В данном случае, – ответил я мрачно.

– Ваше высочество?

Я покачал головой.

– Прости, мне трудно думать о Мунтвиге и его непокорных лордах, если уже летом Багряная Звезда всю поверхность Земли превратит в потоки кипящей лавы!

Он вздохнул и замолчал.

Глава 3

Днем редко удастся ускользнуть от телохранителей и обязательной свиты, зато ночью случается попутероадактелить всласть, хотя, конечно, не злоупотребляю. Только разведка, только вид с высоты, поиск вражеских армий, плюс уточнения для карты: вот там проход в горной цепи, вот там слишком широкие и точно непроходимые ущелья, а вон та дорога, по которой идем, почему-то упирается в обширное болото, откуда только и взялось, и почему без моего ведома...

Сегодня ухитрился умчаться на Зайчике в сопровождении Бобика днем, их спрятал в овражке, а сам взлетел и жадно направился в сторону Пекланда, осматривая его, как орел, и запоминая, где что расположено.

Само по себе королевство гористое, а это значит, множество независимых от короля кланов, баронств, графств, и вообще владений, лорды которых забрались достаточно высоко в горы и контролируют единственную к ним дорогу от любого захватчика, будь это собственный король или чужеземные войска.

Ирам в плане дорог тоже не подарок, мы и там проходили по узким ущельям и преодолели вброд сотни мелких рек, топали по берегам больших озер, удивительно чистых и прекрасных, пробирались через болота, если мне удавалось высмотреть участки, где рациональнее замостить срубленными деревьями, чем обходить огромные пространства.

Примерно то же самое и в Пекланде, да и почему должно быть иное, даже люди те же, точно так же прячутся, а воинственные бароны заперлись в своих горных замках и объявили, что будут драться до последнего.

Норберт посмеивался, очень они нам нужны, это же прекрасно, что все убираются с дороги, как только видят, что у нас не отряд, не войско, пусть даже большое, а целая армия.

За ночь земля ощутимо подмерзает, утром зеленая трава блестит не от росы, а от инея, что вскоре истаивает, но воздух остается сухим и холодным. Колеса, правда, все так же увязают в грязи, но скоро грянут настоящие морозы, а здесь они суровее, чем у Большого Хребта. Тем более на той его стороне.

В Пекланд вступили без боев, и так же без них удалось миновать почти треть королевства. Это еще и потому, что я сам всячески избегал проходить вблизи крупных городов, но вскоре Норберт доложил, что в неделю пути нам дорогу загорживает большая армия.

– А обойти?

Он покачал головой.

– Там практически одна дорога. Справа и слева горы, и так почти сотню миль.

– Пекландцы?

Он снова покачал головой.

– Разведка сообщила: вооружение обычное для армии Мунтви́га... С другой стороны, откуда у пекландцев что-то особое?

– Значит, – сказал я, – ядро армии шло нам навстречу из Сакранта...

– Или из краев, – согласился он, – что за Сакрантом. Конечно, пекландские войска тоже здесь все. Во всяком случае, королевские.

– Это не слишком много, – заметил я, – если бароны решили воздержаться.

– Кто-то воздержался, – ответил он осторожно, – кто-то нет... Но сражение нам предстоит серьезное.

– Мы успеем подготовиться, – ответил я твердо, хотя сердце тревожно застучало. – Чуть притормозим, чтобы подтянулась пехота Макса. Обоз, надеюсь, мунтви́говцы оставят себе на сладкое.

Он кивнул, придержал коня, давая мне возможность остаться с государственными мыслями, но на его месте тотчас же очутился Зигфрид, за ним держится его немногословный оруженосец Скарлет.

Я посмотрел на нее, спросил у Зигфрида:

– Слушай, а как принцесса?..

– Аскланделла? – спросил он.

Я поморщился.

– Слава богу, у нас только одна.

Он торжествующе улыбнулся.

– Есть еще Лиутгарда!

– То свой человек, – отрезал я. – А эта... как она обходится без тысячи фрейлин и слуганок?

Его улыбка перешла в ухмылку.

– Плохо вы знаете принцессий быт, ваше высочество!.. Их с колыбели учат, как не уронить себя в глазах всех прочих. В том числе обучают простейшей магии, чтоб в случае необходимости обходиться без слуг вообще. У них фрейлины больше для важности.

Я спросил недоверчиво:

– И что, в самом деле обходятся?

Он ответил снисходительно:

– Нет, конечно. Я ж сказал, в случае необходимости.

– Ну слава богу, – сказал я с облегчением. – Камень с души. Не люблю мучить животных.

У нас эта необходимость будет постоянно.

Он ответил мирно:

– Она это знает.

– И не ворчит? – спросил я. – Ах да, она не унижится до таких примитивных изъявлений...

Говорят же, притворяйся вежливым – и привыкнешь.

Ночью на привале, как мне показалось, пришла было Санегерийя, но налетел огненный ураган, завывла буря, с неба грозно и страшно сверкали исполинские молнии, каждая ветвистая, как дерево со светящимися корнями, и огромная, как материк.

Я сжимался в комок от первобытного ужаса, вздрагивал и чувствовал, как эти горы валятся на меня, сейчас раздавят и расплющат, как мелкую букашку, вот-вот в мою нежную незащищенную плоть вопьются острые грани скального массива, и задерживал инстинктивно дыхание, будто вот так сумею противостоять давлению.

Проснулся, дрожа и вздрагивая, с шумом выдохнул воздух и торопливо набрал в грудь чистый, оказывается, и в самом деле задерживал дыхание, потому и проснулся.

По стенкам шатра пробегает быстрая дрожь, слышится посвист ветра, а в далекой высоте погромыхивает, хоть и не так ужасающе, как во сне, раскатистый гром, что значит: гроза вообще-то проходит стороной.

Я натянул одеяло и тут только ощутил, что сплю голым. И хотя это моя давняя привычка, но от нее пришлось избавиться ввиду постоянных сквозняков в замках и даже королевских дворцах, резких перепадов температуры из-за слабого отопления каминами, так что ложился спать в доспехе Нимврода, он из кольчуги превращался в рубашку из толстой мягкой материи...

Первым движением было вскочить, одеться и забраться под одеяло, но страшноватая мысль, что кто-то вот так ночью вошел и раздел меня, показав свое могущество, заставила скрутиться в позу эмбриона и снова задержать дыхание.

Утром я так и не отыскал доспех. Подозрение, что некто все-таки явился и украл, росло, крепло, наконец превратилось в несокрушимую уверенность.

Наши маги, что двигаются с армией, на такое не решатся: я для них единственный защитник в этом злом мире, каждый из них готов отдать свою рубашку, только бы мне было комфортно, так что, это кто-то пришел новый и очень сильный...

Военачальники начали подходить с утра, с каждым часом приближаемся к загородившей дорогу армии Мунтвига, у всех свои оригинальные предложения насчет того, чтобы выхватить из ножен мечи и ринуться на врага с безумной отвагой.

Я выслушивал вежливо, люди все самолюбивые, дураками никого не стоит называть в лоб, а только иносказательно. Последним был принц Сандорин, с ним проблем больше всего, рвется в бой, но оберегать его приходится особенно: единственный наследник короля Вендовера Буркхарта Третьего, случись с ним что, династия Буркхартов прервется...

– Принц, – сказал я державно веско, – вы постоянно рветесь в бой, но я постоянно мешаю вам проявить свою безумную отвагу и безрассудное мужество...

Он выпрямился, сказал с надеждой:

– Ваше высочество?

– Даю вам под начало пять тысяч панцирной конницы, – сказал я, – это, конечно, не сравнимо со всей армией королевства Вендовер, которую пришлось оставить защищать границы Юга, однако побольше, чем отряд ваших телохранителей.

Он воскликнул воспламененно:

– Ваше высочество! Все, что угодно! Только прикажите!

– Вот и приказываю, – ответил я, – смотрите на карту. Вот здесь вы отважно вступите в бой, затем дрогнете и отступите...

Он вздрогнул, щеки побледнели.

– Отступим?

– Не просто отступите, – пояснил я, – а броситесь в бегство.

Он побледнел уже смертельно, выпрямился, как туго натянутая струна, задрожал всем телом и вскрикнул прерывающимся голосом:

– Мы потеряем лицо!

– Подберете на обратном пути, – оборвал я. – Когда проскачете с милю, мы ударим с фланга. Тогда можете прекратить... гм... запланированное отступление и перейти в контратаку.

Он смотрел на меня отчаянными глазами.

– Ваше высочество... Род Буркхартов никогда ни на шаг не отступал на поле боя!..

– Нам нужно выиграть войну, – сказал я, – но мы не обязывались выигрывать каждую мелкую схватку. В бою применимы любые приемы, в том числе и обманные.

– Но...

– А это прием для целых армий, – отрезал я. – Выполняйте, принц, иначе я усомнюсь в ваших качествах будущего короля, который должен быть уметь гибким, и поставлю другого военачальника. Я не должен уговаривать, вы еще не поняли? Вы сейчас не принц, управляющий своей личной дружиной, а мой военачальник, которому временно доверено командовать третьим корпусом тяжелой конницы!.. Но вы можете отказаться.

Он откинул голову, мне показалось, что даже сейчас до него не совсем дошла новая и простая истина, все-таки эти лорды по происхождению слишком уж уверовали в свое право единолично распоряжаться, а уж принцы так и вовсе, пусть даже я передал под его управление совсем не вендоверцев.

– Ваше высочество, – проговорил он мертвым голосом. – Я все исполню. С тяжелым сердцем, но исполню в точности.

– Спасибо, принц, – сказал я искренне. – Поверьте... в данном случае ваш отец, великий Буркхарт Третий, сказал бы, что я прав.

Он хмуро усмехнулся.

– Не сомневаюсь. Потому я и желаю батюшке долгих лет жизни, чтобы оставаться... всего лишь принцем.

– Вы не поверите, – произнес я негромко, – но мне тоже очень хотелось бы, даже жаждется вот прямо щас, кому-то пожелать долгих лет, чтобы вот так тоже...

Он взглянул как-то странно, помедлил, затем во взгляде я впервые увидел сочувствие.

– Не получится, ваше высочество.

Он не добавил, но я прочел в его глазах, дескать, это плохо для вас, но хорошо для всех нас, так что тяните воз, ваше высочество, мы туда сложили все наши вещи, а сейчас вот еще и сами сядем.

А не дурак, мелькнуло в голове удивленное, хоть и принц. Впрочем, отец натаскивает править королевством, так что уже сейчас должен знать и уметь больше других.

Противник дожидается нас в самом удобном для себя месте, я такое уже встречал, когда дорога идет по узкой долине между вытянутых гор, и войско затыкает собой горловину, встречая врага с защищенными флангами и лагерем с обозом за спиной.

Макс со своим войском уже подтянулся, но вперед я его пока не выдвигал, там гарцуют конники Норберта, создавая видимость, что у нас все такие вот легкие и без тяжелых доспехов, а которые в хороших панцирях – это все богатые лорды.

Мунтвиговцы некоторое время ждали атаки, но я не начинал, наконец они в нетерпении выдвинули вперед три тысячи лучников, что понятно – при таком обилии стрелковой мощи всегда есть соблазн тучей стрел расстроить наши ряды.

Это правильно и оправданно, там явно грамотный военачальник, любой другой бы привычно и стандартно повел в атаку рыцарскую конницу.

Этот молодец, лучники тучей стрел внесут смятение, а тяжелая конница мощным ударом завершит разгром. Они уже выстроились за лучниками в полном боевом порядке, грозные ряды могучих рыцарей, закованных в такую же броню, как и их кони. На щитах и доспехах победно горят изображения львов, тигров, медведей, вепрей, орлов, драконов, саламандр и еще чего-то грозного и даже страшного.

Альбрехт проговорил рядом сдержанно:

– Я уважаю достойных и талантливых полководцев, но почему это с каждым годом все больше предпочитаю глупых противников? Разве с возрастом человек не умнеет?

– Умнеет, – подтвердил я.

– Точно?

– Абсолютно, – согласился я. – Я вот в десять лет был точно умнее себя пятилетнего. А сегодня умнее вчерашнего!

– В случае же, – договорил он, – если нам удалось бы устоять перед градом стрел, и мы сами перешли бы в наступление, их лучники успеют отступить под защиту тяжелой конницы...

– Потому, – сказал я, – нам и нужно сохранять тайну наших дальнобойных луков.

– И тяжелых стрел.

– Да, и тяжелых стрел, – согласился я. – Пусть они не пробивают панцири, однако где у мунтвиговцев хорошие доспехи? А кожаные латы проткнут, как гнилую холстину.

Наша конница выстроилась широкой цепью для атаки, а из-за их спин начали выходить лучники, такие неприметные среди огромных рыцарских коней и внушительные впереди, так как для стрелков композитных луков требуется добавочная сила, что обычно связана и с ростом.

Макс выехал вперед на прекрасном белом коне, тот призывно ржал, предчувствуя свирепый бой, приседал на всех четырех, как дикий барс, готовый к прыжку.

Сам Макс весь с головы и до пят в блестящих доспехах дивной вестготской выделки, молодой и красивый, такие обычно оказываются редкостными дураками, он и не старался

выглядеть мудрым, зато тщательно промерял взглядом расстояние до лучников противника, а своих выпускал и выпускал, но в какой-то момент крикнул:

– Стой!.. Дальше ни шагу!

Альбрехт пробормотал:

– Хороший глазомер у парня. Дальше, да, опасно. Те могут достать стрелами.

– У вас, граф, – сказал я, – тоже глазомер?.. Давайте просто понаблюдаем. У нас все дебюты записаны, неразбериха начинается в миттельшпиле.

Он посмотрел на меня искоса.

– Слова-то какие непонятные. Образованность показываете?

– Люблю повыпендриваться, – сказал я нервно. – Смотрите!

Макс, выждав, когда все лучники выйдут на позицию, взмахнул рукой. Те разом вскинули руки, с силой натянули тетивы, даже я услышал скрип сгибаемого дерева.

Лучники противника наблюдают с вялым интересом, посмеиваются, что и понятно, ни одна стрела не долетит, что за дураки...

– Начали! – крикнул Макс страшным и веселым голосом.

Глава 4

Стрелки разом выпустили тучу стрел. Та взвилась так плотно, что небо посерело и показалось каким-то трепещуще нереальным. И даже теперь лучники противника не встревожились: кто-то глазел на эти стрелы, кто-то глумливо хихикал над дураками, что вот так напрасно...

Стрелы, описав дугу, обрушились на противника. Там поднялся крик; люди падали, не просто пораженные стрелами, многие были сразу убиты, но еще никто не пытался броситься в сторону, а Макс снова взмахнул рукой.

Теперь его лучники стреляли как можно чаще, пока противник не опомнился и не разбежался. Тяжелые длинные стрелы убивают наповал, если попадают в головы, остальные ранят тяжело.

Поле начало покрываться телами павших. В рядах их конницы затрубил рог. Я видел, как там один привстал на стременах и прокричал команду, а во вскинутой руке заблестел обнаженный меч.

Вся масса колыхнулась и пошла медленным шагом, затем перешла на грунь, а следом на рысь. Уцелевшие из их лучников пытались убраться из-под копыт, но разъяренные рыцари уже не смотрели на чернь, так позорно проигравшую начало битвы, и торопились реабилитировать славу своей армии.

Земля загудела под тяжестью копыт. Я даже услышал, как ветер шелестит полотнищами знамен, а тысячи голосов красиво и торжественно запели псалом «Дева Мария, радуйся».

Я с тревогой оглядывался на группу блестящих рыцарей, во главе которых принц Сандорин, а за их спинами пятитысячная конница.

Альбрехт оглянулся тоже.

– Страшновато?

Я огрызнулся:

– А вам?

– Выдержит, – сказал он, но без особой уверенности. – Раньше бы, не знаю, но когда принц увидел, как блестяще Макс убрал весь отряд лучников...

– Я в самом деле, – сказал я, – дал принцу слишком трудное задание. Трудно заставить себя бежать, имея такую силу! Я сам бы на месте принца возражал...

– Нет, – сказал Альбрехт, – нет...

Принц выхватил меч, вскинул над головой. Я услышал его вопль, но не понял, то ли за Вендовер, то ли за Лиутгарду, у нас всегда борьба личного с общественным, и вся масса конницы устремилась навстречу противнику.

Они сшиблись почти с равной скоростью, нет, мунтвиговцы разогнались шибче, однако бой долгое время шел на равных. Я начал беспокоиться, наконец увидел взмах руки Сандорина, он первым повернул коня и начал выбираться из гущи схватки.

За ним пошли его военачальники, а следом двинулись и остальные рыцари, хотя я и на таком расстоянии видел их злые и расстроенные лица.

Конница противника с громкими победными криками начала преследование. Принц поспешно уводил свое войско из-под удара, однако рыцари противника, разогнав коней, начали настигать убегающих, и когда наиболее отставшие пали, пораженные в спину, дикая радость охватила мунтвиговцев: нет слаще зрелища, когда враг убегает, а его рубишь и рубишь вдогонку, устилая трупами землю!

Я сцепил челюсти и ждал, затаив дыхание. Сандорин кричит на скаку и раздает команды, я все страшился, что вдруг решится нарушить приказ и повернет рыцарей в бой, однако он всего лишь велел рассредоточиться...

Мунтвиговцы все набирали скорость, как вдруг на месте промчавшейся мимо конницы отступающих поднялись пешие воины, разом уперли длинные толстые копыя тупыми концами в землю, а острия направили в сторону скачущего на них противника.

Второй, третий и четвертый ряды успели встать следом и выставить копыя, когда лавина мунтвиговской конницы обрушилась на копейщиков. Первый ряд оказался смят, хотя рыцарской коннице это обошлось очень дорого, но копейщиков встало уже десять рядов в глубину, а кони ржали дико, поднимались на дыбы и сбрасывали всадников.

Наступило замешательство, а из-за стены копейщиков поднялись арбалетчики в одинаковых кожаных латах и хладнокровно всаживали стальные болты, что с такого расстояния пробивают стальные панцири, словно те из тонкой ткани.

Альбрехт сказал с сожалением:

– Это уже не война, а бойня...

– Не поймешь вас, граф, – сказал я.

Зайчик уловил мое желание, пошел рысью с холма. Я крикнул весело:

– Ребята, вы знаете, что нам нужно!

Пока основные силы, как принято считать, брошены в сражение, опытные военачальники обязательно приберегают резерв для последнего решающего удара. Иногда им даже не пользуются, иногда именно он приносит победу, но сейчас этот отряд лучший из лучших находится на вершине небольшого пологого холма, откуда удобно и наблюдать за битвой, и самим бросаться в атаку, нанося удар на большой скорости.

Мы ударили со всей яростью, однако они на какой-то миг остановили нас и почти отбросили назад, там не только лучшие из лучших, но и вооружены почти как мы, выучка у них настоящая, рыцарская, копыя отбросили сразу, бой шел грудь в грудь мечами и топорами.

Слева от меня движется Зигфрид, стараясь прикрыть от каждого удара, справа могучий Сулливан, чуть дальше слышу зычный рев Клементы и вижу блеск его огромного меча.

Под их страшными ударами рыцари падают вместе с конями, на поле битвы стоит неумолчный грохот мечей и топоров о щиты, доспехи, шлемы. Многие рыцари валятся с коней, расставаясь с жизнью раньше, чем коснутся земли.

Уже пали в грязь знамена защищающихся, мы снесли несколько рядов рыцарей, наши кони топчут раненых и переступают через трупы; я время от времени оглядывался, пробившись вперед дальше всех, но мои герои пока все на конях, только Сулливан в крови с головы до ног, но ревет страшно и ломит противника, как могучий кабан камыши, да Клемент отбросил рукоять сломанного меча и торопливо сорвал с седельного крюка огромный боевой топор.

Они продолжают ломиться вперед, свирепые и неутомимые, и я обратил внимание на кучку богато одетых рыцарей, что горячат коней на самой вершине холма, удерживая их от понятной жажды ринуться в схватку.

Донесся крик Альбрехта:

– Не упустить!

Я понял, что он тоже обратил на них внимание, и начал прорубаться к вождям противника. Целый отряд отважно бросился защищать предводителей.

Мы с удвоенной яростью ломимся на вершину холма. Я сцепил челюсти и мрачно наносил удары, уже выбрав себе цель: высокого с черной бородой и мрачным лицом, он с самым уверенным видом сидит на черном жеребце, вокруг него с десятков телохранителей, словно он сам император, лицо его показалось мне очень неприятным, однако знакомым.

Мы встретились взглядами, на его лице впервые мелькнуло беспокойство.

Я указал на него мечом.

– Этого гада взять!..

– Живым? – крикнул Альбрехт.

– Зачем? – заорал я. – Зарубить! Сразу!

Чернобородый подобрал повод, услышал мой крик и понял, что, да, в плен ради выкупа брать не будут, в религиозных войнах деньги – ничто, главное – вера!

Справа на холм прорубается могучий, как стадо туров, Сулливан, и чернобородый, заслышав его звериный рев, вздрогнул, повернул коня в противоположную сторону и пустил в галоп.

Я заорал злее Сулливана, даже Клемент вздрогнул и посмотрел на меня с опаской. Зайчик, ощутив, что сейчас можно больше обычного, пошел намного бодрее, опрокидывая рыцарей с конями, словно игрушечных, а я рубил остервенело направо и налево.

Рыцари противника старались держаться, сомкнули щиты и стойко принимают удары, но, несмотря на их отвагу и мужество, то один, то другой вскрикивает и падает, обливаясь кровью.

Зигфрид рубится рядом со мной остервенело, однако Зайчик продолжал ломиться вперед, и мы прошли через тройную рыцарскую цепь, как кабаны через камыши.

Я указал вслед группе всадников, что уносятся во всю мочь, настегивая коней.

– Догнать!.. Покончим с поджигателями войны!

Заслышав за спиной грозный стук копыт, они лишь пригибали головы, укрываясь за конскими гривами. За нами с Зайчиком я слышал нарастающий конский топот, у норбертовцев лучшие из лучших кони, да и у военачальников, у того же Клемента, Сулливана, Мидля и еще у десятка наиболее знатных, те самые знаменитые кони Ришара, которыми он так гордится.

Я догнал самого последнего, взмахнул мечом. Лезвие рассекло шлем вместе с головой, несчастный молча повалился на гриву своего коня. Остальные начали пугливо оглядываться, некоторые пытались уйти в сторону, но справа неприятный косогор, не всякий конь одолеет, а слева, в полете стрелы, довольно крутой берег реки, за которым поднимается каменная стена, потому все лишь отчаянно настегивали коней и кололи шпорами, даже не пытаясь метнуться в сторону.

Я рубил сперва только тех, кто пытался отмахиваться мечом или закрывался щитом, потом вошел в раж, мой меч то и дело с хрустом врубался в спины, шеи, отсекал головы вместе со шлемами.

Зверское чувство, густое и нехорошее, начало заполнять меня все сильнее, погружая в сладкую тьму глубже и глубже.

Двое, ощутив неминуемую гибель, в отчаянии развернули коней и ринулись с поднятыми мечами. Один удар я принял на щит, мечом парировал взмах другого, и в этот момент увидел смазанное движение третьего, который с пяти шагов отпустил до предела натянутую стальную тетиву арбалета.

Среагировать я не успел, острый наконечник с силой саданул в оголенную кисть руки. Стиснув челюсти, я задержал дыхание, заранее представив, как стальной клюв пронзит руку и весь болт наполовину высунется с другой стороны, а трехгранный наконечник будет торчать с этой...

...однако стальная стрела отскочила, будто ударилась в крепостную стену. Я от изумления едва успел уклониться от клинка, с трудом опомнился, одного рыцаря достал в плечо, со вторым едва успел обменяться двумя ударами, тут же на него налетел Зигфрид и сшиб вместе с конем в пыль.

Я крикнул:

– Да ладно, не сверкай глазами!.. Все хорошо... больше не полезу...

– Мы здесь закончим сами! – заорал Зигфрид взбешенно.

– Все-все, – заверил я торопливо. – Возвращаюсь... Кстати, пленные нам ни к чему.

Зигфрид рявкнул командным голосом так, словно он сержант, а я первогодок:

– Возвращайтесь!

Он с двумя десятками воинов продолжал преследование, затем повернул коня и последовал за мной на некотором расстоянии, а я, все замечая, как в тумане, продолжал осторожно ощупывать руку в том месте, куда со страшной силой ударил болт... а я почти не ощутил боли.

По идее, мне должно было пронзить руку, после чего я, кривясь и постанывая от боли, выдернул бы покрытое моей драгоценной кровью стальное острие и поспешно залечивал бы рану.

Однако ощущение такое, что моя кожа просто не позволила. Словно обрела некие свойства.

Я украдкой оглянулся, Зигфрид в пяти шагах сзади, до поля битвы еще с четверть мили, вытащил нож, огляделся, и, задержав дыхание, не выношу крови, легонько чиркнул по пальцу.

Плотная кожа спружинила. Я надавил чуть сильнее, но острое лезвие снова не просекло кожу. Я чувствовал, как становится страшно, регенерация регенерацией, но уже режу так, что кончик пальца совсем отвалится... а вдруг не отрастет?

Наконец в самом деле резанул с таким усилием, будто старался перехватить ножом не палец, а древко стальной булавы.

Лезвие, к счастью, не затупилось, однако кожа осталась неповрежденной, хотя чуть-чуть и прогибается под давлением. Правда, прогибается одинаково при слабом нажатии и при очень даже сильном...

Господи, промелькнуло в мозгу испуганное, если это то, что я думаю, то... как насчет ударов?

Пальцы дрожат, я ударил рукоятью ножа чуть-чуть, потом сильнее, сильнее и наконец так, что кровью забрызгало бы стены и потолок, а от кончика пальца остался бы только ноготь...

...однако я чувствовал лишь прикосновение, а мягкая подушечка пальца пружинит одинаково сильно при любой силе удара. Значит, доспех Нимврода, в котором я последнее время ложился спать, на мой ночной кошмар откликнулся по-своему, уловив мою панику и жажду стать понеуязвимее.

Похоже, в ту грозную ночь мне в самом деле снилось что-то особенно страшное. Нам всегда что-то снится, только утром помним разве что жалкие обрывки, так вот этот доспех выполнил, как смог, то, что принял за очень настойчивый приказ.

Похоже, он растекся или даже растворился в моей коже настолько незаметно, что даже я не чувствую, а уж другие тем более не увидят. Только бы не мешал коже выполнять ее основные функции: отгонять микробов, дышать, выводить всякое ненужное вместе с потом...

Навстречу несутся пятеро всадников; я принял подобающий вид и гордо выпрямился.

Принц Сандорин на полном скаку осадил коня, забрало поднято, со шлема снесен султан, на стальном наплечнике две свежие и довольно глубокие зарубки.

– Ваше высочество! – крикнул он обвиняюще. – А вы сами?

– Точно по плану, – возразил я. – Принц, позвольте вас поздравить! Я обязательно сообщу вашему отцу и его советникам, что вы вели себя как настоящий полководец, который умеет смирять чувства в угоду разуму и политической необходимости. Это весьма!

Он ответил польщенно:

– Спасибо, ваше высочество. Батюшке будет слышать такое приятно... Но все-таки вы...

– Вступил в бой, – подсказал я, – в той фазе, когда уже все было решено. Битва заканчивалась, от меня ничего не зависело. Хотя, признаюсь, можно было и без этого...

Я хотел сказать «мальчишества», но он сказал раньше:

– Рыцарства?.. Да, но вы решили поддержать репутацию отважного воина, что бросается сломая голову на целый отряд! Это не очень разумно, однако рыцари такое ценят.

Зигфрид подъехал ближе, сказал брюзжащим голосом:

– Ваши высочества, в лагерь лучше вернуться незамедлительно. Здесь могут прятаться среди камней те, кто уцелел. Не хотелось бы, чтобы у кого-то сохранился лук.

Сандорин сказал бодро:

– Они даже шапки бросали, удирая, чтобы коням было легче... ха-ха!

Мы возвращались бодрые и торжествующие, уже понятно, что и эта армия Мунтвига перестала существовать, сокрушенная подавляющей мощью моей, более современной... да что там скромничать, намного более продвинутой!.. и дело не только в композитных луках или длинных копьях, но и в гибкой тактике, нацеленной на победу, а не на красивые поединки, эффектные, пусть и бесполезные атаки, когда всякий лорд, игнорируя соседей, стремится показать именно личное мужество и боеспособность своей дружины.

Сандорин, веселый и раскованный, болтал всю дорогу с Зигфридом, как с равным, а я думал о том, что как-то должен совмещать в себе черты просвещенного государя-рыцаря, уважающего права свободных лордов, и в то же время быть чингисханом, что смешивал племена, а отряды разбивал на сотни, тысячи и тумены вне зависимости от того, сколько там из разных племен.

Он же ввел азиатскую систему, когда отрядами ставил командовать не по знатности, а по воинским талантам. И хотя пришлось немало знатных голов срубить, но его армия стала самой грозной в мире и завоевала для него несметные территории, перед которыми меркнут все достижения Александра Македонского, Цезаря или любого другого успешного завоевателя.

Ну... а я умею учиться у всех.

Глава 5

Лагерь мы разбили на краю поля битвы, я велел оставаться до тех пор, пока снова не будем готовы к походу, а это значит – раненых всех в обоз, на поле собрать все ценное, а тут полегло немало знатных лордов, полководцев Мунтвига и просто богатых рыцарей.

Вечером при свете факелов устроили пир: военачальники в трех больших шатрах, сдвинутых вместе, простые воины – у костров, куда они стащили все вино и окурока, захваченные во вражеском обозе.

Принц Сандорин явился, к общему удивлению, с принцессой Аскланделлой, по обыкновению величественной и надменной, усадил ее в кресло вроде бы рядом с собой, намереваясь ухаживать весь вечер. Так она оказалась между ним и мной, что единственно верно и не ущемляет ее статуса, так как я хоть и ниже ее по титулу, однако в этой армии главный все-таки я, потому она обязана сидеть во втором по важности кресле, но ни в коем случае не третьем или четвертом.

За нашим отдельным столом, что на небольшом возвышении, расположились помимо нас троих наиболее знатные и прославившиеся: герцоги Мидль, Клемент, Сулливан, графы Макс и Альбрехт, а также Палант, Норберт и епископ Геллерий.

Альбрехт, как самый сладкоречивый и умеющий складывать слова в красивые букеты, гордо поднялся, окинул всех сияющим взглядом и сказал звучно:

– Нельзя просить у Господа победы в кавалерийском сражении тем, кто не умеет ездить верхом! Но мы доказали, что умеем усмирять самых норовистых и диких коней!.. Так выпьем же, чтобы это умение нас никогда не покинуло!

Все поднялись, закричали «ура» и сдвинули над столом кубки, лихо расплескивая красное вино на белую скатерть.

Аскланделла не поднялась и не взяла кубок; Сандорин с галантными ужимками накладывал ей на широкое блюдо всякие лакомства, а она поинтересовалась у него, не глядя в мою сторону:

– Значит, вашего... этого, как его, курцпринца, не считают организатором этой победы?

Принц бросил в мою сторону пугливый взгляд и ответил шепотом:

– Принц Ричард у нас жутко стеснительный. Зато он любит, когда хвалят его полководцев.

Она произнесла насмешливо:

– Вот как? А я думаю, это оттого, что его заслуги никто не видит... А вот вы поступили удивительно мудро с этим притворным отступлением! Это смешало ряды армии герцога Келленгтона, когда конница без приказа ринулась вас преследовать...

Принц бросил на меня робкий взгляд, его щеки чуть зарделись.

– Да, хотя это и было трудно...

– Но мудро, – утешила она. – Вы поступили как полководец, а не мальчишка, что рвется в драку.

– Вы чрезмерно добры ко мне, – пробормотал он и посмотрел на меня уже совсем виноватыми глазами. – Я не настолько... хорош.

– С такими мудрыми полководцами, – произнесла она почти нежно, – вашему вождю можно вообще ничего не делать. Никто и не заметит, что он... ну, ничего не умеет.

Принц уже сидит как на иголках, то и дело бросает на меня умоляющие взгляды, но я сделал вид, что целиком поглощен беседой с сидящим с другой стороны от меня Альбрехтом, хотя мое ухо, обращенное к Аскланделле, увеличилось в размерах почти вдвое.

Неожиданно поднялся с кубком в руке герцог Мидль. Все сразу умолкли, смотрят заинтересованно. Герцог обычно держится несколько скованно, в беседы и споры вступает редко, а сейчас вот готов сказать тост...

– Жена, – произнес он в тишине, что нарушается только пьяными выкриками со стороны лагеря, – принимает в супружестве имя мужа, подобно тому, как победитель принимает имя битвы, им выигранной. Мы все знаем, что страшный удар рыцарской конницы был остановлен нашим дорогим Максимилианом фон Брандесгертом, которого мы все любим и с легкой руки нашего сюзерена зовем просто Максом!.. Вот он сидит, молчит, краснеет, как девушка, и вот-вот спрячется под стол. Предлагаю отныне присовокупить к имени графа Максимилиана почетное звание Строльмхольского, по имени этой битвы!

Все закричали «ура» и подняли кубки. Макс поднялся, весь красный, уши вообще полыхают, как факелы, поклонился, сел, снова вскочил и начал кланяться во все стороны, не зная, что делать с кубком в руке.

Аскланделла смотрела на него с явной симпатией.

– Это настоящий рыцарь, – произнесла она, ни к кому не обращаясь. – Образец скромности и рыцарских добродетелей.

И хотя можно ответить и мне, но я демонстративно смолчал, не такая уж она и цаца, чтобы я хватался за любую возможность заговорить с нею, ах, какое это счастье, да что вы говорите... в гробу я видел такую галантность, я из поколения небритых героев.

Сандорин сказал учтиво:

– Пожалуй, он единственный, чье имя любой рыцарь может произнести раньше своего и не ощутить себя ущемленным.

– И ему не завидуют? – спросила она.

Он покрутил головой.

– Выше высочество... его все любят. В самом деле, а не на словах. Он влюблен в свою работу, а не в почести. Уверен, сюда на пир его привели под конвоем по приказу его высочества.

Она бросила на меня беглый взгляд.

– Да уж, достойное обращение с героем!.. Вообще-то, на мой взгляд, вам удалось победить герцога Келленгтона лишь потому, что вы воевали в немалой степени... нечестно, как многие знатоки военной науки могут сказать.

– Принц, – сказал я, обращаясь к Сандорину, – если вам кто-то будет пороть какую-то глупость, то можете дать в морду, но если дурь порет женщина – что они еще могут? – улыбайтесь и кланяйтесь, улыбайтесь и кланяйтесь. Они очень уж умные, как же! Не знают еще, что любая война – нечестное дело. Но если она там восхочет вам брякнуть, что быть опытным военным стратегом плохо... ну, у женщин на все есть свое особое и единственное верное мнение, молчите и улыбайтесь.

Аскланделла помедлила, повернула голову, под ее холодным взглядом я ощутил себя по макушку в проруби.

– Ваше высочество, – произнесла она с нескрываемым презрением, – если у вас считается приличным разговаривать через голову женщины, то среди нормальных людей...

– Так то среди нормальных, – ответил я, – а мы – лучшие! Мы во всем выше серой унылой нормы, ваше высочество. Вам повезло оказаться среди избранных. Вы превосходите только титулом, но это, признайтесь, не ваша заслуга?

Она бросила на меня косой взгляд и снова занялась содержимым тарелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.